

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	6
Глава 1. Ранние контакты	27
Российско-османский конфликт	31
Кючук-Кайнарджийский мир и становление российского протектората	42
Российская оккупация Молдавии и Валахии в 1806–1812 годах	54
Церковная политика во время российской оккупации княжеств	69
Глава 2. Трудности империостроительства в революционную эпоху	82
«Греческий проект» Иоанна Каподистрии	85
Бессарабский эксперимент Александра I	92
Восточная политика России и миссия Г. А. Строганова	102
Российские дипломаты и вопросы внутреннего управления Молдавии и Валахии	112
Каподистрия, Александр I и Греческое восстание	125
Глава 3. Восстания 1821 года и их последствия	132
1821 год и антигреческие настроения в Молдавии и Валахии	137
Трения между боярами и их проекты реформ	148
Молдавские радикалы и консерваторы	156
Аккерманская конвенция	169
Глава 4. От Аккермана (1826) до Адрианополя (1829)	181
Российская империя и элиты Молдавии и Валахии в 1826–1828 годах	186
Война 1828–1829 годов и занятие княжеств российскими войсками	199
Составление программы реформ	209
Министерские инструкции и создание Комитета реформ	217
Адрианопольский мир	225

Глава 5. Органические регламенты и восточная политика России	232
Боярская оппозиция Органическим регламентам	238
Дело Сиона и его последствия	246
Принятие Органических регламентов Ревизионными собраниями	256
Киселев, Дунайские княжества и восточная политика России	266
Глава 6. «Регулярное полицейское государство» на Дунае	280
Эпидемия чумы и создание дунайского карантина	284
Создание земского войска и реформа полиции	297
Налоговая реформа и крестьянские повинности	307
Реформа центральной администрации и судебной системы	315
Иностранцы подданные, «преклоненные» монастыри и цензура	320
Глава 7. Российская политика в Молдавии и Валахии после 1834 года	335
Россия и проблема объединения княжеств	340
Политические трения в Молдавии и Валахии во второй половине 1830-х годов	352
Молдавия и Валахия в 1840-х годах: «санитарный кордон» для империи?	363
Пределы гегемонии	375
Заключение	389
Глоссарий	400
Приложение А. Боярские чины Молдавии в 1829 г.	402
Приложение Б. Боярские чины Валахии в 1829 г.	403
Источники и литература	406
Именной указатель	429

ВВЕДЕНИЕ

14 апреля 1828 года Николай I объявил войну Османской империи, после чего русская армия перешла границу на реке Прут и заняла подвластные Порте княжества — Молдавию и Валахию¹. Это было пятое вступление российских войск в княжества с момента неудачного Прутского похода Петра I в 1711 году. Все главные сражения между россиянами и Османами в XVIII столетии происходили на территории Молдавии и Валахии. В мирное время княжества играли ключевую роль в позиционировании России как защитницы православных единоверцев в Османской империи. Вплоть до середины XIX столетия российские дипломаты и военные взаимодействовали с молдавскими и валахскими элитами гораздо теснее, чем с предводителями более далеких южных славян. В результате Россия сыграла более значимую роль в политическом развитии княжеств, чем в истории Греции, Сербии или Болгарии того же периода.

Частые контакты способствовали осознанию россиянами культурных отличий молдаван и валахов от окружавшего их славянского населения². Интересный пример открытия этой инаковости представляют собой мемуары Феликса Фонтана, служившего в дипломатической канцелярии русской армии во время войны 1828–1829 годов. Внешний вид местных жителей напоминал Фонтону казаков или южных славян, а их язык представлялся ломаной латынью с примесью славянских слов,

¹ См.: Манифест об объявлении войны Османской империи. 14 апреля 1828 // Полное собрание законов Российской империи. Т. 3. Сер. 2. № 1947. С. 383–384. Далее — ПСЗ. Здесь и далее все даты даются по старому стилю.

² Более подробно эта тема разбирается в: *Taki V. Moldavia and Wallachia in the Eyes of the Russian Observers // East-Central Europe / l'Europe du Centre-Est. Eine Wissenschaftliche Zeitschrift. 2005. Vol. 32. Nos. 1–2. P. 199–224; Idem. Tsar and Sultan: Russian Encounters with the Ottoman Empire. London: I.B. Tauris, 2016. P. 191–200.*

особенно часто встречавшихся в речи простолюдинов. Тем не менее Фонтон отверг теорию славянского происхождения румын, высказывавшуюся некоторыми российскими авторами. По мнению Фонтона, славяне слишком крепко держались своей народности и не могли быть ассимилированы римлянами за полтора столетия их господства в Дакии. «Народ этот имеет особенный отпечаток», — писал Фонтон, не скрывая досады, что «эти восемь миллионов чуждого славянам племени поселились здесь на прелестных склонах Карпатских гор, составляя как будто клин между славянскими племенами и препятствуя их объединению»¹. Молодой дипломат был уверен, что Восточный вопрос давно был бы разрешен, «если бы Петр Великий во время своего похода вместо изменника Бранковано и равнодушного и к унижениям привыкшего народа нашел бы здесь плотных и честных болгар или доблестных сербов»²:

Тогда точка тяжести нашей Русской политики перенеслась бы на юг. Тогда, может быть, не эксцентричный, гранитный и холодный Санкт-Петербург, но великолепный Киев сделался бы вторым столичным городом нашего государства. Тогда мы тоже не упустили бы, в последовавших территориальных переменах, присоединить к России правый берег реки Сан, населенный настоящим русским племенем³.

Однако молодой российский дипломат понимал бесплодность истории в сослагательном наклонении: «Руманы здесь! Их не стереть с лица земли!» Он даже находил в их положении на нижнем Дунае нечто позитивное, некий перст Провидения. «Россия, — писал Фонтон, — имея здесь политические и стратегические пределы, которые, не ослабляясь, переступить не может, находится в выгоднейшем положении, ибо может заступиться за поработанных турками единоверных и единокровных

¹ Фонтон Ф. Воспоминания. Лейпциг: Вангер, 1862. Т. 1. С. 37.

² Константин Брынковяну (п. 1688–1716) был господарем Валахии, не пришедшим на помощь Петру I вопреки тайной договоренности. Решение Брынковяну остаться верным Османам объяснялось его враждой с молдавским господарем Дмитрием Кантемиром, вставшим на сторону Петра, медлительностью продвижения российских войск, а также быстрой мобилизацией османских сил.

³ Там же. С. 38.

народов, не давая повода к подозрению в ее намерениях. Желательно, чтобы Европа поняла это и нам не препятствовала»¹.

Рассуждения Фонтона отражали реальную политическую и стратегическую дилемму России в отношении Дунайских княжеств и Балканского региона в целом. Ранние войны с османами велись ради безопасности южных пределов Российской империи от набегов крымских татар, которые были вассалами султана. Постепенное продвижение русских войск и оборонительных линий на юг привело к двум турецким войнам Екатерины Великой в 1768–1774 и 1787–1791 годах, в результате которых Россия установила контроль над Крымом и всем северным побережьем Черного моря². С закрытием «степного фронта Европы» Российская империя достигла своего «естественного» предела на юго-западе³. Дальнейшее продвижение на Балканы неизбежно делало тыл российской армии уязвимым со стороны Австрии и превращало российскую экспансию в предмет постоянной озабоченности со стороны других великих держав. Осознавая это, Павел I и Александр I отказались от агрессивной политики по отношению к Османской империи и взамен стали стремиться к преобладающему влиянию над ослабевшей державой султанов⁴. Российский протекторат над Молдавией и Валахией являлся ключевым элементом этой политики «слабого соседа», привлекая к России другие православные народы Юго-Восточной Европы. Тем не менее Александру пришлось снова воевать с Османами в 1806 году, когда Порта низложила господарей Молдавии и Валахии без согласования с Россией.

Решение Николая I объявить войну Османской империи в 1828 году также обуславливалось необходимостью утвердить

¹ Фонтон Ф. Воспоминания. Лейпциг: Вангер, 1862. Т. 1. С. 38.

² Об этом см.: Davies B. Warfare State and Society on the Black Sea Steppe, 1500–1700. London: Routledge, 2007; *Idem*. Empire and Military Revolution in Eastern Europe: Russia's Turkish Wars in the Eighteenth Century. London: Bloomsbury, 2011; *Idem*. The Russo-Turkish War, 1768–1774: Catherine the Great and the Ottoman Empire. London: Bloomsbury, 2016.

³ McNeill W. Europe's Steppe Frontier, 1500–1800: A Study of the Eastward Movement in Europe. Chicago, IL: University of Chicago Press, 2011 [1964].

⁴ Об этой перемене в восточной политике России см.: Станиславская А. М. Русско-английские отношения и проблемы Средиземноморья, 1798–1807. М.: Академия наук СССР, 1962. С. 335–349; Достян И. С. Россия и балканский вопрос. М.: Наука, 1972. С. 43–45.

российский протекторат над Дунайскими княжествами. Однако на этот раз Россия не ограничилась подтверждением своих прерогатив в отношении Молдавии и Валахии в мирном договоре. Временная российская администрация в княжествах осуществила ряд всеобъемлющих реформ, которые определили их развитие на протяжении последующей четверти века. Под надзором российских властей представители местных элит разработали и приняли Органические регламенты, которые обозначили полномочия господарей и боярских собраний, определили отношения между крестьянами, помещиками и государством, реорганизовали администрацию и способствовали общему благосостоянию княжеств. Реформы также превратили российских консулов в Яссах и Бухаресте в фактических арбитров в отношениях между господарями и боярской оппозицией.

Способствуя расширению сферы российского влияния без территориальных аннексий, реформы 1829–1834 годов сыграли значительную роль в политической эволюции Молдавии и Валахии в XIX столетии. Во-первых, реформы представляют собой важную стадию в конфликте разных группировок местных элит, который наблюдался в 1820-х годах. Во-вторых, институциональные преобразования этого периода способствовали становлению современной румынской государственности. В культурной сфере период временной российской администрации в княжествах сообщил важный импульс вестернизации молдавских и валахских элит и в конечном счете способствовал возникновению румынского национализма. Все эти аспекты демонстрируют значимость реформ 1829–1834 годов в российско-румынских отношениях.

Однако, несмотря на его масштаб и значимость, взаимодействие Российской империи с элитами Молдавии и Валахии остается в тени российских связей с другими балканскими народами¹. Освещение политики временной российской

¹ См.: *Jelavich B. Russia's Balkan Entanglements, 1806–1914.* New York: Cambridge University Press, 1991. Российская политика в княжествах в конце 1820-х — начале 1830-х гг. довольно бегло рассматривается в: *Jelavich B. Russia and the Formation of the Romanian Nation-State, 1821–1878.* Bloomington, IN: Indiana University Press, 1984. Значительно большее внимание в англоязычной историографии

администрации в российской прессе конца 1820-х — начала 1830-х годов было весьма скудным и не может сравниться ни с предшествовавшим ей интересом российской публики к Греческому восстанию, ни с последующей озабоченностью российского общественного мнения судьбами Сербии и Болгарии¹. В своих отношениях с южными славянами во второй половине XIX века российское правительство и российское общество не извлекли уроков из отношений с молдавскими и валашскими элитами на предыдущем этапе. Примечательно также и то, что данный пробел характеризует и современную историографию Российской империи, несмотря на разнообразие ее тематики и несомненный интеллектуальный динамизм².

Данная книга стремится восполнить это упущение. В ней повествуется о взаимодействии континентальной империи с элитами двух румынских княжеств, стратегически расположенных на нижнем Дунае. Несмотря на превращение Молдавии и Валахии в вассалов Османской империи к началу раннемодерного периода, княжества постоянно служили театром военных действий между османскими, австрийскими и польскими войсками, а их элиты испытывали на себе различные культурные и политические влияния. Превращение России в важного игрока в Черноморском регионе к началу XVIII столетия повлекло за собой целую серию Русско-турецких войн, в ходе которых российские

уделено российской политике в Болгарии спустя столетия. См.: *Black C.* The Establishment of Constitutional Government in Bulgaria. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1943; *Durman K.* Lost Illusions: Russian Policies Towards Bulgaria, 1877–1878. Uppsala: Uppsala Studies on the Soviet Union and Eastern Europe, 1988; *Vinkovetsky I.* Strategists and Ideologues: Russians and the Making of Bulgaria's Tarnovo Constitution, 1878–1879 // *Journal of Modern History*. 2018. Vol. 90. No. 4. P. 751–791; *Rekun M.* How Russia Lost Bulgaria, 1878–1886. Empire Unguided. Lanham: Lexington Books, 2019.

¹ *Prousis T.* Russian Society and the Greek Revolution. DeKalb, IL: Northern Illinois University Press, 1994; *Milojkovic-Djuric J.* Pan Slavism and National Identity in Russia and the Balkans, 1830–1880: Images of the Self and Others. Boulder, Colo.: East European Monographs, 1994.

² *Kappeler A.* The Russian Empire: A Multiethnic History. Harlow, UK: Pearson Education, 2001; *Lieven D.* Empire. The Russian Empire and Its Rivals. New Haven, Conn.: Yale University Press, 2001; *Kivelson V., Suny R.* Russia's Empires. New York: Oxford University Press, 2017; *Герасимов И., Могильнер М., Глебов С., при участии Семенова А.* Новая имперская история северной Евразии. М.: Новое литературное обозрение, 2017. Т. 1–2.

войска всякий раз занимали территорию Молдавии и Валахии. Стремясь разрушить Османскую империю или превратить ее в удобного «слабого соседа», восточная политика России неизменно требовала гегемонии в княжествах, поддержание которой оказалось непростой задачей.

Несмотря на славу Молдавии и Валахии как житниц Константинополя, российские полководцы испытывали трудности с обеспечением своих войск продовольствием и фуражом без озлобления местных жителей. Разрушения, вызванные военными действиями, порой способствовали эпидемиям, которые косили российские полки и местное население, а также угрожали самой Российской империи. Стремясь справиться с этими вызовами, российские военные в конце концов были вынуждены вовлекаться в вопросы внутреннего управления княжеств и, вместе с тем, в конфликты различных группировок местных элит. Будучи умудренными столетиями выживания в пограничной зоне, молдавские и валахские бояре демонстрировали редкостную способность манипулировать официальной российской риторикой покровительства православным единоверцам.

Настоящее исследование освещает политику временной российской администрации, сформулированную и осуществленную в ответ на эти многочисленные вызовы и оставившую важное политическое и культурное наследие в последующих российско-румынских отношениях. В более широком плане данная книга демонстрирует, что Молдавия и Валахия были ключевой площадкой формирования восточной политики России, которая на протяжении XIX века способствовала превращению европейской части Османской империи в привычную современному читателю Юго-Восточную Европу, состоящую из малых национальных государств. Наконец, российско-румынское взаимодействие первой половины XIX столетия предвосхитило многие проблемы, от которых впоследствии страдали как Российская империя, так и Советский Союз в отношениях с малыми нациями, расположенными вдоль западных и южных пределов страны.

На протяжении последнего столетия историки проанализировали различные аспекты политического и культурного развития Молдавии и Валахии и окружающего их региона в конце

XVIII — начале XIX века¹. Как западные, так и восточноевропейские историки исследовали социальные и этнические трения внутри молдавского и валашского боярств, а также конфликты между боярством и господами вокруг распределения властных полномочий и контроля над крестьянством². Румынские историки также рассмотрели процесс культурной вестернизации господствующих классов Молдавии и Валахии, чей политический дискурс в этот период все чаще апеллировал к исторической традиции, патриотизму и необходимости политических реформ в соответствии с принципами Просвещения³.

Отношение румынских историков к Органическим регламентам всегда было двойственным. С одной стороны, они рассматривали регламенты как инструмент российской гегемонии. Вот почему даже заключавшийся в них прогрессивный принцип разделения властей порой представлялся им способом посеять раздоры внутри молдавских и валашских элит, макиавеллиевским «разделяй и властвуй», облеченным в оболочку либерального конституционализма в духе Монтескье⁴. С другой стороны, даже столь строгие критики российской политики, как патриарх румынской историографии А. Д. Ксенопол, были вынуждены признать, что Органические регламенты «впервые ввели в румынскую политическую жизнь понятие общественного интереса» и в конечном счете «идею государства в его современной

¹ *Lebel G.* La France et les Principautés Danubiennes (du XVIe siècle à la chute de Napoléon 1er). Paris: Presses Universitaires de France, 1955; *Heppner H.* Austria și Principatele Dunărene (1774–1812): O contribuție la politica Sud-Est Europeană a Habsburgilor. Cluj-Napoca: Editura Universitară Clujeană, 1999; *Гросул Г. С.* Дунайские княжества в политике России, 1774–1806. Кишинев: Штиинца, 1975; *Florescu R.* The Struggle against Russia in the Romanian Principalities. A Problem in Anglo-Turkish Diplomacy, 1821–1854. Iași: The Center for Romanian Studies, The Foundation for Romanian Culture and Studies, 1997.

² *Filitti I.* Frământările politice în Principatele Române de la 1821 până la 1828. București: Cartea Românească, 1932; *Platon A.-F., Platon G.* Boierimea din Moldova în secolul al XIX-lea. Context european, evoluția socială și politică. Date statistice și observații istorice. București: Ed. Academiei, 1995.

³ *Eliade P.* Influența franceza asupra spiritului public în România. București: Humanitas, 2000; *Djuvara N.* Între Orient și Occident. Țările române le începutul epocii moderne. București: Humanitas, 1995; *Georgescu V.* Political Ideas and Enlightenment in the Romanian Principalities, 1750–1830. Boulder, Colo.: Eastern European Quarterly, 1971.

⁴ *Driganu T.* Începuturile și dezvoltarea regimului parlamentar în România până la 1916. Cluj: Dacia, 1991. P. 55.

форме»¹. Еще более наглядной иллюстрацией проблемы, которую представляют регламенты для румынской историографии, стал вопрос о том, является ли этот продукт взаимодействия временной российской администрации с представителями молдавской и валахской элит «румынским творением по своей природе» или же «деспотическим, аристократическим, авторитарным, антилиберальным и совершенно русским документом»². Стремясь преодолеть эту дилемму, некоторые румынские историки постарались отделить Органические регламенты от империи, которая организовала их разработку и введение. Такие авторы готовы были признать выдающиеся качества главы временной российской администрации княжеств в 1829–1834 годах П. Д. Киселева, однако рассматривали его как исключение в общей истории российского угнетения³.

Противоречивые оценки Органических регламентов отражали склонность румынских историков рассматривать их роль с точки зрения возникновения Румынского национального государства во второй половине XIX столетия⁴. Действительно, с этой точки зрения регламенты могут показаться «крайне странным, непоследовательным и парадоксальным явлением, не поддающимся строгому анализу»⁵. Однако подобные суждения представляют анахронизм, поскольку и регламенты, и политика временных российских властей в 1828–1834 годах отражали

¹ Xenopol A. Istoria românilor din Dacia Traiană. București: Cartea Românească, 1930. Vol. II. P. 100.

² См. соответственно: Platon G. Moldova și începuturile revoluției din 1848. Chișinău: Universitas, 1993. P. 65; Iordache A. Principatele Române în epocă modernă. București: Albatros, 1996. Vol. I. P. 230.

³ Румынский историк Раду Флореску назвал Киселева «единственным русским, чей отъезд в 1834 г. вызвал искреннее сожаление всех слоев населения». См.: Florescu R. Essays in Romanian History. Iași-Oxford-Portland, 1999. P. 207. Столь же критичный подход характеризует работу: Stan A. Protectoratul Rusiei asupra Principatelor Române 1774–1856. Între dominație absolută și anexiune. Bucharest: Saeculum, 1999, а также гротескно озаглавленную книгу: Arnăutu N. Douăsprezece invazii rusești în România. Prefața de Apostol Stan. Bucharest: Saeculum I. O. Vestala, 1996.

⁴ Сбалансированная оценка Органических регламентов в румынской историографии содержится в работе: Filitti I. Les principautés roumaines sous l'occupation russe (1828–1834). București: Imprimerie de l'«Indépendance roumaine». 1904. P. 262–267. См. также: Idem. Domniile române sub Regulamentul Organic, 1834–1848. Bucharest: Librăriile Sococ și C. Sfetea, 1915.

⁵ Florescu. Essays in Romanian History. P. 159.

логику действий континентальной империи, которая принципиально отличалась от логики действий национального государства или людей, стремившихся создать таковое. Так же ошибочно представлять данную империю как совершенно чуждое образование, воздействовавшее на Молдавию и Валахию «извне». В свете последних исторических и социологических исследований континентальная империя предстает не только как крупное авторитарное государство, созданное путем завоеваний, но и как система взаимоотношений имперского центра с элитами пограничных территорий¹.

В то время как румынская историография Органических регламентов страдает примитивным пониманием того, что собой представляет империя, современные историки дореволюционной России обходят стороной саму тему вовлеченности российских дипломатов и военных в политические реформы в княжествах². Недостаток внимания к истории Восточного вопроса и русско-балканским связям, возможно, объясняется склонностью молодых специалистов воспринимать данную проблематику как удел старомодных историков международных отношений и дипломатии³. В последние 30 лет историки имперской России отошли от этих сюжетов и занялись исследованием влияния взаимоотношений чиновников, экспертов и представителей местных элит на общеимперский курс или на политику на отдельных окраинах⁴. В последние годы ряд

¹ Об этих двух аспектах понятия империи см. соответственно: *Lieven. Empire. The Russian Empire and Its Rivals*. P. xi–xii; *Tilly Ch. How Empires End // After Empire. Multiethnic Societies and Nation-Building. The Soviet Union and the Russian, Ottoman and Habsburg Empires / Ed. K. Barkey, M. von Hagen. Boulder, Colo.: Westview Press, 1997*. P. 7.

² Единственная русскоязычная монография о российской политике в Молдавии и Валахии была опубликована более 50 лет назад. См.: *Гросул В. Я. Реформы в Дунайских княжествах и Россия (20–30-е гг. XIX в.)*. М.: Наука, 1966. Краткое, но более свежее рассмотрение этого предмета содержится у: *Bitis A. Russia and the Eastern Question: Army, Government, and Society, 1815–1833*. Oxford: Oxford University Press for the British Academy, 2006. P. 426–464.

³ Литература о Восточном вопросе весьма объемна. В качестве введения см.: *Anderson M. The Eastern Question, 1774–1923*. London: MacMillan, 1991; *Восточный вопрос в политике России, конец XVIII — начало XIX вв.* / Под ред. Н. С. Киняпиной. М.: Наука, 1978.

⁴ Наиболее значимыми исследованиями западных окраин Российской империи являются: *Theodore W. Nation and State in Late Imperial Russia. Nationalism*

специалистов поставил под вопрос саму правомерность разделения имперской политики на внешнюю и внутреннюю и обратился к рассмотрению трансграничных процессов, таких как миграции, паломничества или циркуляции политических идей¹.

Настоящее исследование также исходит из неправомерности разделения политики на внутреннюю и внешнюю применительно к континентальным империям. Тем самым, данная книга продолжает серию недавних работ, посвященных восточной политике России как результату взаимодействия дипломатов, военных, духовенства и российского общественного мнения с элитами Юго-Восточной Европы². Здесь рассматривается переписка российских чиновников и представителей молдавского и валашского боярства, которая стала площадкой для определения российской политики в отношении Османской империи в целом и Дунайских княжеств в частности. Данная работа демонстрирует, что люди, определявшие внешнюю политику России, были также вовлечены и в вопросы внутреннего управления империей. В свою очередь молдавские и валашские бояре поддерживали контакты с представителями всех основных российских ведомств. В результате действия и проекты, которые до сих пор рассматривались в контексте либо внутренней политики, либо внешней, предстают как часть единого «сценария власти», складывавшегося вокруг фигуры царствующего монарха.

and Russification on the Western Frontier, 1863–1914. DeKalb: University of Illinois Press, 1996; *Миллер А. И.* Украинский вопрос в политике властей и русском общественном мнении. СПб.: Алетейя, 2000; Западные окраины Российской империи / Под ред. М. В. Долбилова, А. И. Миллера. М.: Новое литературное обозрение, 2006; *Долбилов М. В.* Русский край, чужая вера. Этноконфессиональная политика в Литве и Белорусии при Александре II. М.: Новое литературное обозрение, 2010.

¹ *Meyer J.* Turks Across Empires: Marketing Muslim Identity in the Russian-Ottoman Borderlands. London: Oxford University Press, 2014; *Kane E.* Russian Hajj. Empire and the Pilgrimage to Mecca. Ithaca: Cornell University Press, 2015; *Robarts A.* Migration and Disease in the Black Sea Region. Russian-Ottoman Relations in the Late Eighteenth and Early Nineteenth Century. London: Bloomsbury, 2016.

² *Bitis A.* Russia and the Eastern Question; *Гепд Л. А.* Константинополь и Петербург: Церковная политика России на православном Востоке, 1878–1898. М.: Индрик, 2006; *Russian-Ottoman Borderlands: Eastern Question Reconsidered* / Eds. L. Frary, M. Kozelsky. Madison, WI: University of Wisconsin Press, 2014; *Frary L.* Russia and the Making of Modern Greek Identity, 1821–1844. New York: Oxford University Press, 2015; *Vovchenko D.* Containing Balkan Nationalisms: Imperial Russia and Ottoman Christians, 1856–1914. London: Oxford University Press, 2016.

Деконструкция разделения имперской политики на внутреннюю и внешнюю позволяет по-новому переосмыслить реформы как способ правления¹. Историки дореволюционной России до сих пор рассматривали реформы двояким образом. С одной стороны, они видели в них средство модернизации отсталой страны, возможность подтянуть ее до уровня передовых стран Западной Европы в условиях все более жесткого великодержавного соперничества. С другой стороны, они усматривали в реформах попытку предотвращения внутренних революций, которые поначалу происходили в царских дворцах, однако со временем все более грозили выплеснуться на площади и улицы. И как мобилизационный ресурс, и как способ предотвращения революционных потрясений реформы рассматривались преимущественно как явления внутренней политики, чья внешнеполитическая значимость исчислялась лишь тем, насколько реформы способствовали увеличению (или ослаблению) военной мощи и внутреннего единства России. Данное исследование выступает против столь ограниченного понимания реформ и демонстрирует, что они представляли собой важный элемент имперской политики, выходявшей далеко за формальные границы Российского государства.

Преобразования Петра Великого, несомненно, носили характер внутренней мобилизации и потому сходны с усилиями предшествовавших и современных ему правителей Западной и Центральной Европы². Сформулированная в меркантилистской и камералистской литературе XVII и XVIII веков, такая политика преследовала целью увеличение государственного

¹ О реформах в России в XIX в. см.: Сафонов М. Проблема реформ в правительственной политике России на рубеже XVIII и XIX вв. Л.: Наука, 1988; МIRONENKO C. B. Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в. М.: Наука, 1989; Lincoln W. B. In the Vanguard of Reform: Russia's Enlightened Bureaucrats. DeKalb, IL: Northern Illinois University Press, 1982; *Idem*. The Great Reforms: Autocracy, Bureaucracy and the Politics of Change in Imperial Russia. DeKalb, IL: Northern Illinois University Press, 1990; Russia's Great Reforms, 1855–1881 / Eds. B. Eklof, J. Bushnell, L. Zakharova. Bloomington, IN: Indiana University Press, 1994; Russia in the Nineteenth Century: Autocracy, Reform, and Social Change, 1814–1914 / Eds. A. Polunov, L. Zakharova, Th. Owen, Armonik, NY: M. E. Sharpe, 2005.

² Raeff M. The Well-Ordered Police State: Social and Institutional Change Through Law in the Germanies and Russia, 1600–1800. New Haven: Yale University Press, 1983.

богатства (что неизбежно повышало государственные доходы) посредством регулирования хозяйственной деятельности подданных и улучшения общего благосостояния¹. Однако применение мер, первоначально практиковавшихся в малых или средних европейских государствах, к огромной континентальной империи неизбежно вызывало смещение акцентов. В частности, российский вариант меркантилизма и камерализма уделял повышенное внимание колонизации как средству установления контроля над открытыми и нестабильными южными границами, которые на протяжении столетий были источником стратегической уязвимости Российского государства².

Особенно проблематичными были «комплексные пограничные зоны», в которых России противостояли несколько других империй в борьбе за лояльность многоэтничного и многоконфессионального населения³. Земли к северу и западу от Черного моря составляли одну из таких зон, в которой Московское государство во второй половине XVII столетия вступило в соперничество с Османской империей, Габсбургской монархией и Речью Посполитой⁴. На протяжении последующих полутора столетий борьба этих империй между собой изменила сам характер данной территории. Исламский фронт, населенный полукочевыми татарами и ногаями, уступил место фронту сельскохозяйственной колонизации и, в конце концов, системе современных государственных границ⁵. В то время как

¹ Dorwart R. Prussian Welfare State before 1740. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1971.

² Bartlett R. Human Capital: The Settlement of Foreigners in Russia, 1762–1804. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1979; Sunderland W. Taming the Wild Field: Colonization and Empire on the Russian Steppe. Ithaca: Cornell University Press, 2004. О роли границ во внешней политике России см.: Rieber A. Persistent Factors in Russian Foreign Policy: An Interpretative Essay // Imperial Russian Foreign Policy / Ed. H. Ragsdale. New York: Woodrow Wilson Center Press and Cambridge University Press, 1993. P. 329–335.

³ См.: Rieber A. Complex Ecology of Eurasian Frontiers // Imperial Rule / Eds. A. Miller, A. Rieber. Budapest: Central European University, 2004. P. 178.

⁴ О нижнедунайской и северочерноморской пограничной зоне: Rieber A. The Struggle for the Eurasian Borderlands. From the Rise of Early Modern Empires to the End of the First World War. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2014. P. 314–372.

⁵ Об исламской границе в контексте общей типологии границ см.: Rieber A. Frontiers in History // International Encyclopedia of the Social and Behavioral

демаркация османо-габсбургской границы после Карловицкого мира 1699 года обычно представляется в качестве поворотного момента в истории этого процесса¹, политика временной российской администрации в Дунайских княжествах может рассматриваться как его завершение. Реинтеграция османских крепостей и прилежавших к ним территорий на левом берегу Дуная в состав Валахии и создание дунайского карантина в 1829–1830 годах означали окончательное закрытие османского фронта в Европе и его замену системой фиксированных государственных границ.

Будучи ключевым элементом российской политической культуры послепетровского периода, реформы также определяли диалог правителей и элит². Важно отметить, что диалог этот не был уникальным явлением и резонировал с подобными же взаимодействиями между правителями и элитами в других странах. В середине XVIII столетия агенты Санкт-Петербурга играли важную роль в политических конфликтах в Швеции и Польше, поддерживая там конституционные свободы. Эта стратегия, несомненно, помогала самодержавной России препятствовать политической централизации своих исторических противников³. В то же время аристократические вольности Швеции и Польши были источником вдохновения для тех представителей российского дворянства, которые мечтали наложить конституционные ограничения на самих российских самодержцев.

Sciences / Ed. N. Smelser, P. Bates. New York: Elsevier Science, 2001. Vol. 9. P. 5812–5818. См. также: *Agoston G. A Flexible Empire: Authority and Its Limits on the Ottoman Frontiers // International Journal of Turkish Studies. 2003. Vol. 9. Nos. 1–2. P. 15–31.*

¹ См.: *Abu el-Haj R. The Formal Closure of the Ottoman Frontier in Europe, 1699–1703 // Journal of the American Oriental Society. 1969. Vol. 89. No. 3. P. 467–475.* О военных, демографических и экономических аспектах трансформации османо-габсбургской границы после Карловицкого мира см.: *The Peace of Passarowitz, 1718 / Eds. Ch. Ingrao, N. Samardzic and J. Pesalj. West Lafayette, Ind.: Purdue University Press, 2011.*

² См.: *Whittaker C. Russian Monarchy: Eighteenth-Century Rulers and Writers in Political Dialogue. DeKalb, IL: Northern Illinois University Press, 2003.*

³ О российской политике в Польше см.: *Стегний П. В. Разделы Польши и дипломатия Екатерины Второй. М.: Международные отношения, 2002.* О российской политике в Швеции см.: *Metcalfe M. Russia, England and Swedish Party Politics 1762–1766: The Interplay between Great Power Diplomacy and Domestic Politics during Sweden's Age of Liberty. Totowa, N. J.: Rowman and Littlefield, 1977.*

В качестве примера можно привести конституционные проекты Никиты Панина, сформулированные им в период правления Екатерины Великой под впечатлением дипломатической службы в Стокгольме в конце 1740-х — 1750-х годах. Польские влияния на ранний российский конституционализм иллюстрируются примером Адама Чарторыйского, который не только был российским министром иностранных дел в 1803–1806 годах, но и участвовал в работе Негласного комитета, рассматривавшего проекты политической реформы в России в первые годы царствования Александра I¹.

После Французской революции конституционные и квази-конституционные проекты стали важным элементом борьбы России с наполеоновской Францией за лояльность элит пограничных территорий. Впоследствии возражения на англо-австрийский проект реставрации Бурбонов и поддержка французской Конституционной хартии, введение в 1815 году польской Конституционной хартии, а также поддержка подобных решений в ряде малых германских и итальянских государств представляли собой антиреволюционную стратегию Александра I, альтернативную строгому легитимизму Меттерниха². Данные действия согласовывались с проектами политической реформы

¹ О Панине см.: *Ransel D. The Politics of Catherinian Russia: The Panin Party*. New Haven: Yale University Press, 1975. О Чарторыйском см.: *Grimsted P. The Foreign Ministers of Alexander I: Political Attitudes and the Conduct of Russian Diplomacy, 1801–1825*. Berkley, CA: University of California Press, 1969. P. 104–150; *Zawadzki H. A Man of Honor: Adam Czartoryski as a Statesman of Russia and Poland, 1795–1831*. London: Oxford University Press, 1992. P. 43–60.

² О сопротивлении Александра I реставрации Бурбонов во Франции см.: *Rey M.-P. Alexander I, Talleyrand and France's Future in 1814 // Russia and the Napoleonic Wars / Eds. J.M. Hartley, P. Keenan, D. Lieven*. London: Palgrave MacMillan, 2015. P. 70–83. О российской поддержке конституционных реформ в Германии после 1815 г. см.: *Додолев М. А. Россия и проблемы Германской конфедерации в первые годы существования Священного союза (1815–1820) // Россия и Германия / Под ред. Б. М. Туполева*. М.: Наука, 1998. Т. 1. С. 124–147; *Гончарова О. В. Политика России в Германском союзе в 1816–1817 гг. // Вестник Волжского университета им. В. Д. Татищева*. 2012. № 4 (11). С. 107–118; О российской политике в итальянских государствах в этот же период см.: *Reinerman A. Metternich, Alexander I, and the Russian Challenge in Italy, 1815–1820 // Journal of Modern History*. 1974. Vol. 46. No. 2. P. 262–276. О монархическом конституционализме в посленаполеоновской Европе вообще см.: *Prutsch M. Monarchical Constitutionalism in Post-Napoleonic Europe // Constitutionalism, Legitimacy and Power / Eds. K. Greutke, M. Prutsch*. Oxford, UK: Oxford University Press, 2014. P. 69–83.

в самой России, наиболее значимым из которых стала Государственная уставная грамота Российской империи, разработанная в 1818–1820 годах. Оба этих аспекта политики реформ в после-наполеоновский период преследовали целью предотвращение распространения революционных идей среди элит Российской империи и европейских государств посредством предоставления этим элитам большей роли в управлении, не сокращая существенным образом prerogatives монарха.

Российская политика в Молдавии и Валахии в 1812–1834 годах позволяет проанализировать имперское правление посредством реформ в революционную эпоху, когда традиционные устремления местных элит начали приобретать радикальную окраску. Реформы, осуществленные под руководством царских дипломатов и военных, поставили Россию в положение арбитра в отношениях между господарями и боярством и могут рассматриваться как продолжение российской поддержки конституционных партий в Польше и Швеции. В то же время, предоставляя молдавским и валахским элитам определенную степень политического участия, реформы должны были остановить распространение «подрывных идей» в их среде. В конечном счете российские дипломаты и военные стали рассматривать преобразованные княжества в качестве буфера, защищавшего Россию от революционных влияний, исходивших от Западной Европы.

Исследование имперской политики не может обойти стороной дискурсивные аспекты взаимодействия имперского центра и элит пограничных территорий. В случае с Дунайским регионом это взаимодействие определялось образом России как покровительницы православных христиан. Это качество было, по сути, наиболее важным проявлением «мягкой силы» дореволюционной России¹. Ни одна из великих европейских держав поствестфальского периода не располагала подобным

¹ О «мягкой силе» как способности одного государства влиять на политику других государств ненасильственными методами см.: Nye J., *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. New York: Public Affairs, 2004. О «мягкой силе» в ранне-модерный период см.: *Early Modern Diplomacy, Theatre and Soft Power: The Making of Peace* / Ed. N. Rivere de Carles. London: Palgrave Macmillan, 2016. Об использовании «мягкой силы» в XIX столетии см.: *Royal Heirs and the Use of Soft Power in Nineteenth-Century Europe* / Eds. F. Muller, H. Mehrkens. London: Palgrave Macmillan, 2016.

идеологическим ресурсом. Хотя у всех католических и протестантских правителей раннемоде́рного периода имелись единоверцы, проживавшие за пределами их владений, их способность использовать конфессиональную карту сильно ограничивалась наличием конкуренции, которая противопоставляла, например, Габсбургскую монархию — Франции или Англию — Голландии. На протяжении всего раннемоде́рного периода существовало несколько католических и протестантских государств, каждое из которых преследовало прежде всего свой государственный интерес, а уж затем интересы своей конфессии¹. В результате стремление сохранить баланс сил возоблада́ло над религиозными соображениями, и середина и вторая половина XVII столетия стали временем создания ряда трансконфессиональных коалиций, направленных на сдерживание гегемонистских устремлений Габсбургов и Бурбонов.

В этом контексте Россия отличалась своим конфессиональным одиночеством. Будучи единственной суверенной православной державой, она не имела конкурентов во влиянии на православных единоверцев, проживавших за ее пределами, и потому естественным образом превратилась в покровительницу православных к концу XVII столетия. В сущности, данная роль была предложена московским царям представителями православного духовенства Речи Посполитой и Османской империи². Однако этот важный идеологический ресурс имел свою цену, поскольку местные элиты вскоре продемонстрировали склонность манипулировать риторикой российского покровительства

¹ О роли религии в политике раннемоде́рных государств см.: *Ideology and Foreign Policy in Early Modern Europe, (1650–1750)* / Eds. G. Rommelse, D. Onnekink. Farnham: Ashgate, 2011; *Nexton N. The Struggle for Power in Early Modern Europe: Religious Conflict, Dynastic Empires and International Change*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2016.

² Об отношениях России с православными единоверцами Польско-литовского государства см.: *Skinner B. The Western Front of the Eastern Church: Uniate and Orthodox Conflict in the Eighteenth-Century Poland, Ukraine, Belarus and Russia*. DeKalb, IL: Northern Illinois University Press, 2011. О взаимоотношениях Московского государства с православным населением Османской империи см.: *Кантлеров Н. Ф. Характер отношений России к православному Востоку в XVI и XVII столетиях*. М.: Снегирев, 1885. См. также: *Taki V. The Limits of Protection: Russia and the Orthodox Co-Religionists in the Ottoman Empire*. *The Carl Beck Papers in Russian and East European Studies*, no. 2401. Pittsburgh, PA: Center for Russian and East European Studies, 2015.

православным в своих целях. Наиболее ярким примером такой манипуляции стала попытка тайного греческого общества «Филики этерия» поднять антиосманское восстание в Молдавии и Валахии в надежде на то, что Россия выступит в защиту православных и объявит войну Порте. Как показано ниже, это восстание и его подавление Османами ввергли Нижнедунайский регион в состояние хаоса и временно прервали российский протекторат над княжествами.

Предприятие «Этерии» также обострило трения между греческими и местными элементами молдавских и валашских элит и свидетельствовало о начале эпохи этнического национализма на Балканах¹. В свете современных исследований национальные движения Восточной и Юго-Восточной Европы представляются романтическими реакциями на угнетение со стороны Габсбургов, Османов и Романовых. Ставя акцент на этничности и языке наряду с религией (а иногда и вопреки ей), национальные дискурсы подрывали домодерные формы общественного сознания, сочетавшие привязанность к местным корням с чувством принадлежности к вселенской религиозной общности. Эта специфика национализма объясняет, почему, помимо пылкой привязанности к своим нациям, многие восточноевропейские интеллектуалы XIX столетия испытывали отчуждение по отношению к окружавшим их политическим, социальным и культурным реалиям². В результате нации данного региона зачастую носят характер «изобретенных», «воображаемых» сообществ³.

¹ Подход к национализму, характеризующий настоящую работу, основывается на следующих классических исследованиях данного феномена. *Gellner E. Nations and Nationalism*. Ithaca: Cornell University Press, 1983; *Anderson B. Imagined Communities. Reflections on the Origins and Spread of Nationalism*. London: Verso, 1991; *Hobsbawm E. Nations and Nationalism since 1780. Programme, Myth, Reality*. Cambridge: Cambridge University Press, 1992; *Brubaker R. Ethnicity Without Groups*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2004.

² О данном отчуждении в румынском контексте см.: *Antohei S. Civitas Imaginalis. Istorie și utopie în cultura românească*. Iași: Polirom, 1999.

³ Об «изобретенности» национальных традиций см.: *The Invention of Tradition / Eds. E. Hobsbawm, T. Ranger*. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1983. Об изобретении традиции в румынском контексте см.: *Boia L. Jocul cu trecutul: istoria între adevăr și ficțiune*. București: Humanitas, 1998; *Idem. History and Myth in Romanian Consciousness*. Budapest: CEU Press, 2001. Другой характерный пример конструирования национальной традиции в восточноевропейском контексте проанализирован в: *Himka J.-P. The Construction of Nationality*

Настоящее исследование не отрицает роли интеллектуалов в конструировании современной румынской национальной идентичности посредством открытия латинского происхождения молдаван и валахов¹. Не отрицается здесь и роль реформ конца 1820-х — начала 1830-х годов в открытии Молдавии и Валахии западным и особенно французским влияниям, которые сыграли существенную роль в становлении современного румынского национализма с его антироссийской и антиславянской направленностью². В то же время данная работа демонстрирует, что изобретение национальной традиции происходило в процессе тесного взаимодействия молдавских и валахских элит с Россией, взаимодействия, которое осуществлялось в домодерных политических и интеллектуальных рамках восточного православия. Идея объединения Молдавии и Валахии в Румынское национальное государство была, среди прочего, результатом защиты боярами исторической автономии княжеств в рамках Османской империи. К концу XVIII века тема автономии составила конкретное наполнение более общей риторики православного единства в отношениях России с молдавскими и валахскими элитами.

В своем взаимодействии с боярами Российская империя выступала не только в качестве покровителя православных единоверцев, но и более конкретно — как защитница прав и свобод,

in Galician Rus': Icarian Flights in Almost All Directions // Intellectuals and the Articulation of the Nation / Eds. R. Suny, M. Kennedy. Ann-Arbor: MI: University of Michigan Press, 1999. P. 109–164. Сравнительное исследование националистичества в Восточной Европе содержится в: *Snyder T. The Reconstruction of the Nations: Poland, Lithuania, Ukraine, Belarus, 1569–1999*. New Haven, CT: Yale University Press, 2003. О конструировании нации в Юго-Восточной Европе см.: *Kitromilides P. «Imagined Communities» and the Origins of the National Question in the Balkans // European History Quaterly*. 1989. Vol. 19. No. 2. P. 149–192; We, the People: The Politics of National Peculiarity in South-Eastern Europe / Ed. D. Mishkova. Budapest: CEU Press, 2009.

¹ О роли так называемой «трансильванской школы» в этом процессе см.: *Hitchins K. The Romanian National Movement in Transylvania, 1780–1849*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1969.

² О роли России в открытии княжеств французским влияниям см.: *Eliade P. La Roumanie au XIX-e siècle*, vol. 2, *Les trois présidents plénipotentiaires (1828–1834)*. Paris: Hachette, 1914. О роли французских влияний в становлении современного румынского национализма см.: *Campbell J. French Influence and the Rise of Roumanian Nationalism, 1830–1857*. New York: Arno Press & The New York Times, 1971 [1940].

которыми княжества изначально обладали в составе Османской империи. Несмотря на то что Органические регламенты оказали несомненное модернизационное воздействие на Молдавию и Валахию, бояре, участвовавшие в их разработке, представляли свои предложения как способ восстановления традиционных прав и привилегий княжеств, предоставленных османскими султанами и впоследствии попорченных господарями-фанариотами, управлявшими княжествами в XVIII и начале XIX века. Наконец, тема исторической автономии княжеств присутствовала в программах молодого поколения молдавских и валашских бояр, которые бросили вызов российской гегемонии в княжествах в конце 1830-х и в 1840-х годах. Отцы-основатели современной Румынии также представляли свой проект как восстановление изначального самоуправления, пожалованного княжествам в момент их превращения в данников османских султанов, которому ныне якобы угрожало российское влияние.

Данный обзор дискурсивных рамок взаимодействия России с элитами Молдавии и Валахии будет неполным, если не сказать несколько слов по поводу места панславизма в российско-румынских отношениях. Замечания Феликса Фонтана о румынах, процитированные выше, свидетельствуют о наличии панславистских симпатий среди российских дипломатов и военных уже в первые десятилетия XIX века¹. Наиболее пронизательные российские наблюдатели понимали, что ввиду своего романского языка, дако-римского происхождения и географического расположения между восточными и южными славянами молдаване и валахи действительно представляли потенциальную проблему для проекта объединения славянских народов вокруг России. С другой стороны, возможность такого объединения, пускай и призрачная, подхлестывала националистические настроения среди молдавских и валашских бояр и способствовала все более антироссийской настроенности румынских элит к концу XIX века.

¹ О русском панславизме см.: *Petrovich M. The Emergence of Russian Pan Slavism, 1856–1870.* New York, NJ: Columbia University Press, 1956; *Fadner F. Seventy Years of Pan Slavism in Russia.* Karazin to Danilevskii, 1800–1870. Wahsington, DC: Georgetown University Press, 1962.

В то же время было бы большой ошибкой полагать, что панславизм определял восточную политику России в первой половине XIX века, т. е. в период, которому посвящено данное исследование. Роль панславизма в официальной российской политике не стоит преувеличивать и в отношении второй половины столетия, когда российское общество было весьма озабочено судьбой сербов и болгар. После Крымской войны российское Министерство иностранных дел и Священный синод стремились прежде всего сдержать балканских националистов, угрожавших восточноправославному единству. Вот почему российскую политику в этот период следует скорее называть всеправославной, нежели панславистской¹. Еще меньше места для панславизма было в российской политике в период, предшествовавший Крымской войне, когда соображения монархической солидарности в духе Священного союза серьезно ограничивали даже традиционное российское заступничество в отношении православных. Вот почему панславизм играл минимальную роль во взаимоотношениях российских дипломатов и военных с элитами Молдавии и Валахии. Скорее можно сказать, что сами эти отношения, трения и взаимные разочарования, ими порожденные, способствовали последующей популярности панславистских идей в России и их непопулярности в Румынии.

Этот предварительный обзор политики реформ и ее дискурсивных аспектов может вызвать у читателя вопрос о соотношении «реалистических» и «идеалистических» элементов в политике Александра I и Николая I². Были ли они макиавеллиевскими манипуляторами, преследовавшими прагматические цели под прикрытием благородных лозунгов, какими их порой представляли европейские русофобы XIX столетия? Или же они были донкихотствующими идеалистами, растерявшими плоды побед в погоне за идеологическими химерами, как то утверждали многие русские националисты? В данном исследовании демонстрируется, что внуки Екатерины Великой порой действительно

¹ См.: *Vovchenko. Containing Balkan Nationalisms; Гепд. Церковная политика.*

² Реализм и идеализм составляют две главные школы в теории международных отношений, каждая из которых породила огромную литературу. См.: *Crawford R. Idealism and Realism in International Relations: Beyond the Discipline. New York: Routledge, 2000.*

поступались непосредственными интересами России на Востоке ради солидарности с другими европейскими монархами ввиду революционной угрозы. Однако при ближайшем рассмотрении становится очевидным, что всякий раз принесенные в жертву «реальные» интересы были на самом деле также идеологически обусловлены. Те российские дипломаты и военные, которые сожалели о приверженности обоих императоров принципам Священного союза, сами были проникнуты глубоко идеологическим символом России как защитницы православных. Таким образом, можно утверждать, что политика России в первой половине XIX века определялась противоречивыми идеологическими мотивами и была потому сугубо «идеалистической».

В то же время это качество российской политики на Балканах не оправдывает обвинений в недостатке «реализма» с российских правителей или представителей российской элиты. Хотя ни один из противостоявших друг другу идеалов в случае своей реализации не обещал России каких-либо материальных приобретений или экономической выгоды, не надо забывать, что ни одна континентальная империя не была успешным бизнес-предприятием. Стоит только осознать бессмысленность сведения политического «реализма» к его меркантильной составляющей, и сразу становится ясно, что ничто не обладало большей реальностью для имперских правителей и элит, чем те самые идеалы, в соответствии с которыми они стремились переустроить мир.